

ВОЙНА и МЫ

ВОЕННОЕ ДЕЛО ГЛАЗАМИ ГРАЖДАНИНА

Станислав Смоляков

**Я ДРАЛСЯ
С БАНДЕРОВЦАМИ**

**МОСКВА
2017**

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С51

Смоляков, Станислав Николаевич.

С51 Я дрался с бандеровцами / Станислав Смоляков. —
Москва : Яуза-каталог, 2017. — 320 с. — (Война и мы).

ISBN 978-5-906716-84-2

Победным маем 45-го война закончилась не для всех, для многих она только начиналась. Народу-победителю предстояло столкнуться с жуткими последствиями войны: разрухой, голодом, бандитизмом и отвратительной гидрой националистического подполья в западных областях Союза ССР. В данном сборнике представлены непростые откровения ликвидаторов бандеровщины.

Герои этой книги — пограничники и солдаты внутренних войск, комсомольцы истребительных отрядов и председатели колхозов, оперативники МГБ и СМЕРШа, следователи и рядовые сотрудники милиции, не раз смотревшие бандитам в лицо. Непросто было найти их, и еще сложнее — найти ключ к откровенному разговору. Засады и погони, мужество и предательство, расшифровки кодовых посланий и вербовка агентов — факты под грифом «Совершенно секретно» ждут читателя...

Пройдя через испытания, герои книги остались при своих идеалах молодости — они до сих пор считают национализм дорогой в никуда. Каждый из них сражался за свою, родную и любимую Советскую Украину.

**УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-906716-84-2

© Смоляков С. Н., 2017
© ООО «Яуза-каталог», 2017

Предисловие

Идея создания данного сборника воспоминаний появилась в сентябре 2013-го. Тогда во Львове собрался небольшой коллектив авторов ресурса «Я помню». Мы хотели записать воспоминания ветеранов войны, проживающих в западных областях Украины, а наши киевские коллеги намеревались опросить бывших боевиков УПА. К нашему удивлению, таковых там нашлось изрядное количество. Еще более удивительным оказалось то, что среди опрошенных оказались довольно интересные, с исторической точки зрения, персоналии: личная связная Шухевича, люди из его ближайшего окружения, руководитель отдела оуновской СБ (службы безопасности), эсэсовцы из дивизии «Галичина»...

Под впечатлением от результатов работы коллег у меня возникла мысль найти тех, кто занимался ликвидацией бандеровщины. Конечно, я предполагал, что дело нам предстоит весьма непростое, но даже не представлял насколько...

Ранее в воспоминаниях советских ветеранов изредка встречались короткие рассказы о столкновени-

ях с бандеровцами. Но на фоне основного воспоминания — войны — для большинства из них это осталось лишь кратким эпизодом в насыщенной событиями военной биографии и не стало «делом всей жизни», как у оппонентов. Просматривая предлагаемые львовскими Советами ветеранов списки, я стал уделять больше внимания фамилиям, возле которых стояли пометки НКВД, МВД или же названия партизанских отрядов и соединений (очень много партизан было направлено на борьбу с бандитизмом и националистами).

Но недаром говорится: «Ищущий да обрящет». Первый интересный собеседник по интересующей теме попался мне в одном из районов Львова на праздновании Дня партизанской славы. Вначале, правда, ветеран был весьма сдержан, но постепенно раскрылся и дал исчерпывающее интервью, положившее начало циклу. Но и он в завершение беседы попросил убрать из интервью определенные моменты и фамилии. Да и по некоторым его оговоркам и паузам стало понятно, что многие яркие эпизоды боевой юности рассказчика навсегда растворятся в сумраке минувшего...

Львовские ветераны радушно принимали гостя с Большой земли и охотно делились своими воспоминаниями о военном периоде их жизни, но как только нить повествования приближалась к 44-му году, начинали осторожничать или вообще уходили от темы. На прямые вопросы отвечали осторожно и односложно, отговариваясь стандартным «ты напишешь, а нам еще тут жить с ними».

С подобными вещами мне еще не раз пришлось столкнуться в дальнейшем. К примеру, из нескольких киевских ветеранов госбезопасности лишь один дал интервью, да и то весьма пространное. Позднее нам стала понятна причина подобной сдержанности респондентов. Один из крымских ветеранов рассказал о

некоей бумаге, которую в период правления Ющенко вынудили подписать всех, кто в прошлом имел отношение к ликвидации бандеровщины. В ней якобы от имени тогдашнего президента Украины ветеранов просили об ОУН-УПА не говорить ни хорошего, ни плохого...

Не способствовала откровениям и напряженная обстановка на Украине. Вполне возможно, именно поэтому с нами отказался разговаривать бывший следователь МГБ из Полтавы, работавший на Волыни в конце 40-х. Совершенно случайно попавшие мне в руки фотографии молодого оперативника с ППС на плече, снятые на местах преступлений, совершенных националистами, будоражили воображение и обещали фактурный материал. Какую радость открытия принес этот случайно обнаруженный конец новой нити из клубка, эта спокойная фраза собеседника о том, что его боевой друг жив и в твердой памяти. И какое разочарование — отказ от интервью. Нам тогда не помогли ни уговоры, ни рекомендации.

Категорически отказался от встречи и ветеран госбезопасности из Сарн, легендарная личность, чьей фамилией, по рассказам бывших боевиков, на западе Украины пугали детей... Мы даже не могли представить, что «гроза» вольнских бандеровцев еще жив! И как тяжело было примириться с невозможностью хоть на немного приоткрыть занавес тайны, скрывающий от нас былые деяния этих суровых и серьезных людей.

Да что говорить, не особенно горели желанием вспоминать то жестокое время и ветераны, проживающие на территории России. Мы получили несколько решительных отказов в Москве. Буквально в последний момент отказался от интервью ветеран внутренних войск, проживающий в моем родном городе и буквально на соседней улице!

Но тема увлекла своей остротой. Все более и более погружаясь в нее, я всевозможными способами

пытался нащупать ниточки контактов. Искать приходилось в основном методом сарафанного радио — «кто-то где-то слышал, как чей-то дед рассказывал о бан-деровцах...»

Лишь благодаря авторитету и связям Артема Драбкина мне довелось познакомиться с интереснейшим человеком, ветераном внешней разведки Георгием Захаровичем Санниковым. Он выделил для встречи всего полчаса, но каких! Мне удалось записать короткое, но весьма емкое и эмоционально насыщенное интервью. А самое главное, через него мы получили выход на киевских ветеранов госбезопасности, в том числе на легендарного полковника Бондаря — самого Бориса Ефимовича Стеклера.

Серьезнейший вклад в работу внес мой соавтор по сборнику Юрий Трифионов. Благодаря его настойчивости мы получили ряд прекрасных интервью от крымских ветеранов, а также нащупали цепочку контактов в Луцке, куда мы успели съездить буквально за неделю до переворота в Киеве.

Время было тревожное — в Киеве уже вовсю шли беспорядки. Председатель городского Совета ветеранов встретил нас весьма настороженно. Его больше интересовала материальная сторона дела и наше отношение к стрельбе на Майдане, нежели то, зачем мы приехали. Словно предчувствуя грядущие события, он бормотал: «Вот же спелись, Крым с Москвою...»

Сердечно благодарю за максимальное содействие и гостеприимство волынян, жителей Луцка: уважаемого полковника N, попечителя Музея МВД, братьев Кононенко из луцкого горкома КПУ, а также жителей Колкинского района. К сожалению, из Луцка потом пришли дурные вести: Музей МВД был сожжен, серьезно пострадал горком КПУ и сами братья Кононенко...

Хочется высказать слова благодарности и львовскому отделению КПУ, которое, помогая нам, приложило максимум усилий. Хотя львовским коммунистам хватало и своих проблем: регулярные нападения и поджоги на их штаб-квартиру были обыденным явлением еще в относительно спокойном 2013-м... С особой теплотой вспоминаю и нашего добровольного помощника Кузьмича из города Дрогобыч, который он сам называл не иначе как «Бандерштадт». Без всех этих добрых и честных людей книга бы не состоялась.

Несмотря на многочисленные трудности, нам в принципе удалось получить некий срез среди опрошенных ветеранов. В сборнике представлены воспоминания бывших партизан, служащего СМЕРШа, следователей и оперативников НКВД-МГБ-КГБ, «истребка» — бойца истребительного отряда, а также участников специальных войсковых групп и даже одного пограничника.

Не могу не поблагодарить и моего киевского коллегу Алексея Ивашина, чьи консультации и помощь в работе над сборником трудно переоценить. Первоначально мы хотели сформировать книгу из мемуаров и боевиков УПА и тех, кто занимался их ликвидацией. Однако пока сборник готовился, в Киеве произошла смена власти, а за этим последовал ряд известных всем событий. Обстановка в обществе и у нас, и на Украине накалилась до предела. Комментарии на сайте «Я помню» показывали неоднозначное отношение его посетителей к воспоминаниям бывших боевиков. Что греха таить, даже у подготовленного читателя некоторые откровения националистов могут вызвать оторопь. Поэтому по обоюдному согласию мы решили публиковаться отдельно. К сожалению, история совершила очередной виток: мы снова по разные стороны баррикад...

РОГАК
Алексей Павлович

Интервью и литобработка:
Юрий Трифонов

Я родился в 1927 году в селе Червоное Андрушевского района Киевской области. Мой отец, Павел Михайлович, грамотный по тем временам мужик, трудился агрономом в совхозе, а мама, Ксения Никифоровна, работала секретарем сельского совета. Родители были убежденными большевиками. Папа еще по молодости во время Гражданской войны служил в Красной Армии, затем прошел Советско-финскую и Великую Отечественную войны. На последней получил тяжелое ранение и умер в 1964 году. Сам понимаешь, убеждения родителей во многом определили мою собственную судьбу: в жизни нами руководила партия. В неполные восемнадцать лет я стал членом ВКП(б).

Мое родное село было очень большим, в нем насчитывалось два совхоза, один колхоз, а также спиртовой и сахарный заводы. В центре села располагался большой базар. Отец тогда пропадал в постоянных разъездах по партийной линии. Хатка у нас была справная, рядом рос хороший садик. Там стоял каштан, по которому я любил лазать.

*Деловод-машинист Колковского райвоенкомата
Рогак Алексей Павлович, 1946 год*

Голод 1932–33 годов на всю жизнь врезался в мою память. Мне тогда шел седьмой год. В то время все зерно у крестьян забирали до последней крупинки. Мама как секретарь сельсовета получала немного хлебушка. Было и молоко от коровы, поэтому нас из-за относительной упитанности — меня и сестренку Любу 1924 года рождения — не выпускали на улицу.

Рядом с нами, через дорогу, жила моя одногодка Оля Грищук. Она бегала к нам, и мы ее подкармливали, как могли. Но как-то вдруг она исчезла на три дня. Мама сказала мне: «Леня (меня тогда так все называ-

ли), сбегай и узнай, в чем же дело, почему Оля не приходит?» Перешел я через дорогу, зашел в хату, только переступил через порог из кухни в комнату, вижу такую картину: стоит кровать, на которой лежат мертвая Оля и ее живая мама, и обезумевшая от голода женщина грызет нос и уши своей дочери... Увидев меня, она что-то закричала. Я страшно испугался и рванул через порог домой. Мама позвонила в район. Приехала милиция в сопровождении каких-то мужчин.

Олина мама умерла через три дня. Куда-то пропал муж-Грищук, не знаю. Рядом с нами умирал старичок дядька Денис и вся семья Михальских. Люди страдали от недоедания, умирали под заборами, падая от бесилия прямо на ходу. Через дорогу от нас жила семья, в которой девочка умерла в муках от голода. Спасались тем, что собирали по огородам гнилую картошку. Ели вареную лебеду и крапиву.

Вскоре приехал отец, в то время работавший в районном политотделе, и привез к нам на прокорм двух пацанов восемнадцати или девятнадцати лет от роду: Ивана Березняка и Сашу Огородника. Они от голода уже ходить не могли, папа их подобрал под забором. Мама недели две поила их молоком, чтобы восстановить силы. Потом они постепенно пришли в себя. Сашка, помню, пошел работать на пекарню, чтобы быть возле хлеба. Ваня тоже где-то трудился...

Интересуешься, отчего произошел голод? Отвечу откровенно. Перед голодом зерна хватало, но на местах начали происходить ужасные вещи. Мама приходила домой с работы из сельсовета и горько плакала. Специальные комиссии ходили по домам и, если замечали кусок хлеба или лишнее зерно, тут же забирали и куда-то увозили. Когда же осенью 1933-го этот произвол прекратился и зерно стали возвращать, люди сразу же ожили.

Но сложности с питанием все еще оставались. Мы как-то после приезда отца зарезали бычка... На ночь окна обычно закрывали деревянными ставнями, а двери — металлическими штангами. Вдруг в сумерках кто-то стучит в окно. Отец выхватил «наган» и говорит: «А ну-ка, все на печку лезьте!» Что-то стукнуло в ставню, посыпались осколки стекла. Тогда папа пару раз выстрелил в окно для того, чтобы напугать неизвестных. Когда же он вышел во двор, то встретил прибежавшего на шум соседа Костю. Больше там никого не было, но в кустах они нашли фуражку другого соседа, жившего неподалеку. Получалось, что если бы отца не было, то у нас бы все мясо забрали. Еще страшнее приходилось тем, у кого имелась корова. Приходилось приковывать ее за ноги к стенкам сарая и надевать железный ошейник за шею. И все равно не помогало: у моей тети какие-то воры отрезали корове голову и ноги, а тушу забрали. Таков был страшный 1933 год...

В 1934-м я пошел в школу, месяц проучился в первом классе, после чего учителя перевели меня во второй. Букварь я уже знал наизусть, потому что когда сестренка Люба ходила в школу, то я вместе с ней занимался. Неплохо рисовал. Учились мы на украинском языке, русский преподавали несколько раз в неделю.

Жизнь в предвоенные годы стала несколько лучше. Тракторов тогда еще не было, пахали на лошадях и волах. Автомобили тоже встречались редко, хотя помню, что отца из политотдела на выходные домой привозили на легковой машине. Но все равно: заработал магазин, пошли хорошие урожаи. Появилась в свободной продаже огромная буханка белого хлеба, которую называли «бонда». Кроме того, в магазине свободно продавались мясо, соль, спички и сахар. Жизнь налаживалась.

*Рогак Павел Михайлович
отец Алексея Павловича, 1941 год*

В 1941-м, перед самым началом войны я окончил 7-й класс. В мае того года отца направили на работу в бывшую чешскую колонию Подзамче Волынской области. В Подзамче насчитывалось около сотни домов. Колонистов вывезли куда-то в Чехословакию, а на их место стали приезжать украинцы. Создали совхоз, отца назначили его председателем. Мы жили на квартире, нам уже готовили дом, но тут началась Великая Отечественная война. Хорошо помню 22 июня.

Рядом со мной жила девочка-соседка Валя. Поутру она предложила мне пойти в книжный магазин, чтобы заранее купить учебники для 8-го класса. Пошли с ней в магазин. Не доходя до моста через речку Стырь, видим, что около стропил лежит убитый майор с двумя прямоугольниками на петлицах. Несмотря на жару, погибший был одет в шинель. В небе летал немецкий

самолет и куда-то стрелял. Мы кинулись тикать назад. Прибежали домой, рассказали обо всем родителям. Отец решил отправить нас обратно в Киевскую область. Но только мы выехали за Луцк, как нашу грузовую машину завернули какие-то военные. Пришлось вернуться и поехать в райцентр Колки.

Отец ушел в армию. Мама пошла дояркой на ферму. Детей в семье насчитывалось четверо: я, старшая сестра Люба, брат Коля и сестричка Таня. Жили мы в сарае над речкой.

В июле 1941 года в Колки без боя заехали немцы на бронемашинах, мотоциклах и велосипедах. Наш дядя Федор был секретарем Колкинского райкома комсомола, поэтому он сразу начал скрываться. Полицаи сразу стали его гонять как коммуниста. В полицаи в основном пошла молодежь. Дядя Федор в числе многих других вскоре ушел в лес, где создал партизанский отряд «За Родину!». Я стал его связным. В колкинской школе работала учительницей Ульяна, отчество ее позабыл. Она передавала мне данные на бумажке для партизан. Избежать обысков мне помогало то, что я неплохо знал немецкий язык. Наши соседи Махальские были урожденными «фольксдойч», и их дети говорили дома только по-немецки. А возле соседей и я сам научился. Свободно проходил через патрули, легко разговаривал с немцами, подробно отвечал на их вопросы. Так что они меня считали за своего. Секретную бумажку я относил в лес Черные Лозы, который тянулся вплоть до Бердичева. Заходил туда метров на тридцать, искал место, где стояло гнилое дерево, наклоненное к земле, в дупле которого я оставлял бумажку. Что характерно, за все время я так ни разу и не увидел партизан.

Мама во время оккупации перестала ходить на работу и занималась дома по хозяйству. В 1942 году